

ПРИМЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЭКСПАНСИВНЫХ ЦЕЛЯХ

Г. С. СВАЗЯН

В 1986 г. издательство «Элм» Академии наук Азербайджанской ССР выпустило в свет монографию Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э.—VIII в. н. э.)»¹. Автор и ее редактор академик АН Азербайджанской ССР З. Буниятов представляют труд как исследование политической истории и исторической географии «исторического»² Азербайджана, который по их мнению, охватывал армянские области Арцах, Утик, Пайтакаран, Сюник и был населен в древности албанцами—минимыми праотцами азербайджанцев.

Для утверждения этой концепции, представляющей собой подлинный пример научного курьеза, создатели книги измышляют ряд умозрительных и несостоятельных положений, которые в основном сводятся к следующему:

1. Албания, начиная с формирования своей государственности (якобы с III в. до н. э. до VIII в. н. э.), представляла собой единое централизованное политико-государственное объединение и на протяжении всего этого периода неизменно была заключена в границы, которые проходили на севере по главному Кавказскому хребту, на востоке—по Каспийскому морю, на западе—по реке Алазани, а на юге—по реке Аракс.

2. По своей национальной принадлежности албанцами (что в восприятии автора означает азербайджанцы) являлись армянские историки Мовсес Каланкатвацци, Киракос Гандзакени и Ванакан Вардапет, поэт Давгак Кертог, основоположники письменного законодательства, авторы «Судебников» Давид Алавакоорди и Мхитар Гош, а их произведения, наряду с канонами Агвенского и Партавского соборов, считаются образцами албанской литературы, которые, по выражению Ф. Мамедовой, были силой «армянской традиции» присвоены армянами.

3. После Тиграна Великого армянского государства не существовало, следовательно, армянский народ, его история и культура не играли никакой роли в жизни народов Закавказья.

К подобным выводам, однако, автор пришел не на основе научного и всестороннего анализа сведений источников, а руководствуясь предвзятым подходом, не брезгуя фальсификацией фактов, подтасовкой их в своих целях, отрицанием исторически достоверных сведений, игнорированием наиболее значимых из них, приписками. Предварительно обезопасив себя заявлениями о том, что сообщения античных и армянских авторов противоречивы и как таковые исторически не верны, Ф. Мамедова уже однозначно объявляет несостоятельными невыгодные ей сведения и строит свои аргументы на основе собственных перекоек. Например, она считает результатом противоречий те сведения Страбона, в которых Сакамена и Араксена упоминаются как армянские области и в качестве доказательства этого приводит слова Страбона «Река Кир, протекающая через Албанию» подразумевая, что эта фраза «логически подразумевает нахождение двух берегов ее (левобережья и правобережья) на территории Албании» (с. 119, 145—146). Но игнорировать неоднократные упоминания

Фарида Мамедова. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э.—VIII в. н. э.). Баку, 1986, 284 с.

² Термин впервые используется в применении к Азербайджану. Его назначение, по-видимому, быть равносильным понятию «историческая (Армения)».

нения Страбонам Сакасны и Араксны как армянских областей (II, I, 14; XI, VII, 2; XI, VIII, 4; XI, XIV, 4), выбрать расплывчатое выражение и на этой основе делать вывод, к тому же—«логический», означает лишь очковтирательство и порочный метод изучения истории. На основе аналогичной фразы Страбона (о том, что «Аракс протекает через Армению»: XI, I, 5) автор, однако, не делает такого «логического» вывода, хотя, если следовать манере Ф. Мамедовой, упоминание Страбона об Араксе означает, что оба берега Аракса находились в Армении. Вероятно автор понимает, что территория одной страны не может одновременно находиться в пределах другой страны.

Страбон—не единственный автор, ставший жертвой пристрастности Ф. Мамедовой. Лихорадочное стремление огульно отрицать правдивость сведений античных авторов проявляется и при рассмотрении сведений армянских источников. Так, по Ф. Мамедовой, сведения Фавстоса Бузанда об Албании и албанцах весьма тенденциозны: он преувеличивает, когда пишет, что Кура была границей между Арменией и Албанией, необоснованно относит Арцах, Утик, Шакашен и Гардманадзор к числу армянских областей.

Будучи заранее настроена отрицать подлинность сведений армянских историков об Албании и албанцах, Ф. Мамедова вовсе игнорирует научную серьезность. Со спокойной совестью она может заявить, с одной стороны, что Нахичеван не может быть армянской областью, поскольку Бузанд не имеет и намека на это, а с другой стороны, квалифицировать сведения «Армянской географии» относительно Нахичевана—как одной из областей и городов Армении—«совершенно не соответствующими реальной истории Армении» (с. 109). По ее мнению, не соответствуют исторической действительности также данные «Ашхарауэйца» (VII в.), что три области—Арцах, Утик и Пайтакаран—были армянскими или входили в состав Армении (с. 53). А сведения Корюна (V в.) о просветительской деятельности Маштоца в Армении, в том числе и в Гохтне, вовсе не означают, что последний являлся армянской областью (с. 113) и т. д. Подобные примеры можно умножить.

Руководствуясь этим методом и своим настойчивым желанием опровергнуть «оскорбительное» мнение относительно отставания Албании от соседних стран по экономическому и политическому развитию, Ф. Мамедова «ретроспективно» переносит в III в. до н. э. сведения письменных источников I в. до н. э.—I в. н. э. о государственности Албании и голословно объявляет, что Албания как политико-государственная единица существовала уже с указанного века. Ф. Мамедова не хочет видеть, что эти источники представляют государство как новое явление в общественно-политической жизни албанцев. Так, по данным того же Страбона, албанцы «к вопросам... государственного устройства... относятся беззаботно» (XI, IV, 4), а такую беззаботность люди могут проявлять в отношении лишь нового и не упречившегося явления. Но в предполагаемый автором период—в III в. до н. э.—албанцы жили в условиях социального расслоения и были лишь племенными союзами. Так, в конце IV в. до н. э., в первом письменном упоминании о них—у Аристула (в книге Арриана «Поход Александра»), албанцы, участники битвы при Гавгамеле, представлены не самостоятельным, выступавшим под командованием правителя своей страны народом, как это подобало имевшему государственность народу, а как племена, предводительствуемые Атропатом, сатрапом Мидии. (Арриан, III, 8. 4). Таковыми же, т. е. племенными союзами, жившими в условиях социального расслоения, они выступают также в археологических материалах, относящихся к известной «Ялойлутепинской культуре», датируемой IV—I вв. до н. э.³

Источники не дают никакой возможности считать III в. до н. э. периодом формирования Албанского государства и, следовательно, приписывать ему устойчивые государственно-политические границы. Албания, не будучи в тот период целостным, сформировавшимся государственным объединением, естественно, не только не могла иметь границы вообще, но и, что скорее смешно, чем антинаучно, распространять свое политическое влияние до реки Сулак и на более отдаленные районы. Как показывают античные авторы, Албанское государство сформировалось лишь в начале I в. до н. э. и в это же время утвердило свои государственные границы, которые, по свидетельству тех же авторов, проходили на севере по Главному Кавказскому хребту, на

³ О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956.

востоке—по Каспийскому морю, на западе—по реке Алазан, на юге — по реке Кура. Но Ф. Мамедовой представляются ошибочными сведения Страбона, Плутарха, Плиния Старшего, Аппиана и Диона Кассия относительно Куры—как южной границы Албании⁴. Она считает, что Кура воспринималась границей между Арменией и Албанией только потому, что исследователи подходили к сведениям указанных авторов некритически, без попыток выявления их достоверности, в силу сложившейся «армянской традиции» и в особенности «полного игнорирования» данных Каланкатвази (с. 119). Она призывает не верить античным авторам, поскольку, как она считает, «их информация носила случайный, противоречивый характер и вполне могла быть неточной» (с. 120, 146). Ф. Мамедова обосновывает это тем, что в основе сведений античных авторов лежат сообщения плохо знакомых с географией Закавказья Эратосфена, Патрокла и участников кавказских походов Помпея, в особенности последних, «чьей целью было преследование понтийского царя Митридата, а вовсе не изучение Албании» (с. 120). Однако обвинения Ф. Мамедовой как в адрес исследователей, так и в адрес упомянутых авторов—надуманны и ложны. В основе сообщений их и в особенности Страбона относительно Албании лежат не данные Эратосфена и Патрокла или сведения случайных участников походов Помпея, а знающих людей: в основном военные дневники и отчеты, являвшиеся официальными докладными, участника и очевидца походов Помпея, военного, политического и государственного деятеля Феофана Митиленского. Как таковые, они содержали достоверные свидетельства о социальной, экономической и политической жизни Албании, поскольку римских завоевателей подлежащие захвату страны интересовали в первую очередь именно с этих точек зрения. Ф. Мамедова представляет отрицательное отношение Страбона к своим источникам, в частности к Посидонию (Страбон, XI, 1, 6), как факт, подчеркивающий противоречивость его сведений (с. 119). Но это не научный подход. Подобное отношение Страбона к своим источникам привело бы добросовестного исследователя лишь к единственному, научно верному выводу, а именно: Страбон относится к сообщениям своих источников с тщательным отбором и критически. Поступая таким образом и выражая свое явное недоверие в отношении части своих источников, Страбон, однако, широко использовал сведения Феофана Митиленского⁵, которые никак не сочтешь «случайной информацией». Следовательно, не может быть сомнений в том, что в основе сообщений Страбона (и других) лежат данные достоверного и надежного источника и его описание характеризует Албанию I в. до н. э.—I в. н. э. в совокупности ее политической, социально-экономической и географической сфер. А согласно этим сведениям, южная граница Албании в указанный период проходила по реке Кура.

Отвергая подлинность сообщений античных авторов, Ф. Мамедова ссылается на Мовсеса Каланкатвази и Мовсеса Хоренаци (которого, кстати, исходя из тенденциозных намерений, считает историком не V, а VIII в. (с. 47)), которые будучи лучше знакомы с Закавказьем, якобы считают южной границей Албании реку Аракс. Для этого она ссылается на те их сведения, в которых говорится о назначении армянским царем Вагаршаком наместником северо-восточных областей Арана и о предоставлении ему территории «от реки Ерасх до крепости, называемой Хнаракерт» (Хоренаци, II, гл. 8; см. также Каланкатвази, I, гл. 4) Ни у одного серьезного исследователя не вызвало и ныне не вызывает сомнения, что эти сообщения армянских историков относятся к преобразованиям в Армении и к основанию нового наместничества на ее северо-востоке. То обстоятельство, что основателем нахарарств был армянский царь, к тому же «на окраине армянского говора» (Хоренаци, II, 8), не оставляет сомнений, что Аран мог наследовать неармянские территории. Но Ф. Мамедова (как и некоторые другие азербайджанские исследователи) видят в этих сообщениях не только свидетельство существования южной границы Албании по Араксу, но и объявляют Арана праотцом албанцев. Однако власть этого «праотца» распространялась отнюдь не на ту территорию, искусственное расширение которой

⁴ Подробно см.: А. П. Новосельцев. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период.—Кавказ и Византия, вып. I, Ереван, 1979, с. 10—18

⁵ Подробно см.: Г. С. Связян. Источники Страбона о Кавказской Албании.—ИФЖ, 1978, № 1, с. 95—104 (на арм. яз.).

Ф. Мамедова считает своей миссией. Ограниченная на юге рекой Аракс, на северо-западе—крепостью Хиракерт, его территория на севере, как свидетельствует Хоренаци, проходила по течению реки Куры. «Царь (Вагаршак—Г. С.) назначает Арана, мужа именитого, первого в деле мудрости и разума, наместником страны северо-восточной, великой, славной и густонаселенной, близ большой реки, прорезывающей великую равнину и называемой Курой» (Хоренаци, II, 8). Таким образом, территория Арана на севере завершалась течением реки Куры, и дальше нее власть его не распространялась. Там находилась совершенно другая для него страна—собственно Албания.

Следовательно, на юге достигала Аракса не территория собственно Албании, владений Арана, которая, отделяясь от первой рекой Курой, не дает оснований для их отождествления. В силу этого же обстоятельство Аран не мог быть праотцом проживавших севернее Куры албанских племен. Эти владения Арана, которые армянские историки называют Агванк, охватывали территорию, которая с севера ограничивалась рекой Курой с юго-востока—рекой Аракс, с юго-запада—Сюникскими горами, с северо-запада—крепостью Хиракерт, образуя треугольник, который включал армянские окраинные области Утик и Арцах. То, что владение Арана являлось частью этого треугольника, показывает и тот факт, что те же историки считают происшедшими от него лишь те племена, которые проживали в указанном треугольнике: утийцев, гардманцев, цавдейцев и гаргарцев. Как видим, Агванк армянских историков, на которых ссылается Ф. Мамедова, совершенно не соответствует Албании греко-римских источников. Это обстоятельство вновь доказывает, что под Агванком армянские историки понимали «Восточный край Армении»—факт, который еще в XI—XII вв. зафиксировал армянский историк Маттеос Урхаеци, писавший: «Страна Агванк, являющаяся глубинным краем Армении» (Хроника, Вагаршапат, 1898, с. 230). Следовательно, сведения М. Хоренаци и М. Каланкатваци об эпониме Аране являются не основанием для передвижения южной границы Албании до реки Аракс, а совершенно неопровержимым доказательством того, что ее южная граница проходила только и только по реке Куру. Роль Куры как границы между Арменией и Албанией выражена Ф. Бузандом в следующей фразе: «Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше» (Бузанд, гл. XIII, перевод с древнеармянского).

Таким образом, сообщения античных и армянских историков и географов, живших и творивших в I в. до н. э.—V в. н. э., приводят к выводу, что на протяжении всего этого периода границей между Арменией и Албанией была река Кура.

Одна из исходных поделок автора—убеждение, что централизованное государство Албания до VIII в. обладало почти незыблемыми границами. Это является следствием намеренного игнорирования возникших в разные периоды истории Албании и при различных политических обстоятельствах отдельных, не схожих государственных политических образований, стремления считать их единым Албанским государством. Дело в том, что в середине V в. н. э. Сасанидский Иран, проводя свою завоевательную политику в Закавказье, после ликвидации царства Великой Армении, упразднил царство Албании и превратил его в марзпанство.

Образование марзпанств не было для Сасанидов самоцелью. С ликвидацией царской власти и назначением марзпанов Сасаниды, исходя из целесообразности своего правления и налоговой политики и в особенности стремления политически ослабить Армению, отделили от последней и присоединили к вновь созданному марзпанству Албания армянские области Арцах и Утик, вследствие чего границы новой административной единицы достигли на юге реки Аракс. Так, начиная с V в. Аракс стал границей между Арменией и марзпанством Албанией, а на Арцах и Утик распространилось общее для марзпанства наименование «Агванк».

В конце VI—начале VII в., вследствие политики, проводившейся персидскими царями, а затем сменившими их в Закавказье арабскими халифами, территория марзпанства Албании распалась на отдельные управляемые местными княжескими домами политические единицы, каждая из которых стала выступать под наименованием своего княжеского дома, географической местности или племени. Известный арабский историк Баладзори пишет, что Хосров I Ануширван, стремясь упрочиться на западных берегах Каспийского моря и править ими, «выбрал... царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью. Из них были: хахан Горы, т. е. владетель Сарира (трона) с титулом Вахрарзаншах, и царь Филана,

он же Филан-шах, и Табарсаран-шах, и царь ал-Лакзов с титулом Джурджаншах, и царь Маската, царство которого теперь не существует, и царь Лирана, с титулом Лиран-шах, и царь Ширвана, именующийся Ширваншахом». (Баладзорн. с. 7)

Согласно сообщениям Масуди, тот же царь после завершения оборонительных сооружений поселял там разные народы с их царями, присваивал каждому из них высокие чины и титулы и проводил границы (СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, с. 41).

Эти новые административно-политические единицы, в которых, по данным арабских историков, вследствие той же политики начался также процесс деэтнизации края, не только выступали под названиями Гилян, Лакз, Лиран (Лайзан), Ширван, Табарсаран и др., но и зачастую существовали самостоятельно, независимо друг от друга. В таких условиях даже общее до того название «Агванк» перестало употребляться для бывшей территории. Албанское государство было безвозвратно ликвидировано. Но Ф. Мамедова очень сильно желает иметь таковое и поэтому, совершенно не считаясь с указанными политическими изменениями, хочет видеть в лице Михранидов (Михраианов) неуклонных продолжателей традиций албанской царской власти.

В то время, когда территория марзпанства Албания распалась на отдельные самостоятельные княжества, являвшиеся его частями области Арцах и Утик со своим армянским населением превратились в отдельное самостоятельное княжество—княжество Араншахников. В этом географическом регионе, единственном из входивших в бывшее марзпанство краев, за которым закрепилось и осталось принятое до этого общее для марзпанства наименование «Албания», «Агванк», вскоре вследствие указанной политики персов выдвинулась новая династия—династия Михранидов. Род Михранидов происходил от рода персидского царя, но, обосновавшись в междуречье Куры и Аракса, род этот вскоре арменизировался, приняв христианство (Каланкатвази, III, гл. 23) и усвоив свойственные армянской знати обычаи.

В начальный период Михраниды владели гаваром Гардман в Утике, но вскоре провозгласили себя единственными властителями, претендовавшими на территорию между реками Кура и Аракс. Наследники Михрана, будучи осмотрительными и дальновидными политическими деятелями, с течением времени упрочили свою власть на указанной территории, а в высший период могущества—при Джеваншире, в сфере этой власти были включены также некоторые части левобережья Куры, что, однако, не составляло существенной стороны их политики. Политическая деятельность князей Михранидов в основном разворачивалась на территории между реками Кура и Аракс—в Утике и Арцахе, а некоторые их успехи на левобережье Куры были номинальными и носили временный характер⁶. Совершенно ясно, что Михраниды своей политической деятельностью, сферой и периодом этой деятельности не могли выполнять ту роль, которую приписывает им Ф. Мамедова, стремясь искусственно удлинить период централизованного единого царства Албания.

Таким образом, антиисторично и в корне ошибочно стремление автора видеть Албанию с III в. до н. э. по VIII в. н. э. единым централизованным государством, к тому же искусственно раздутым и в почти неизменных границах. Автор, одержимый стремлением выдать желаемое за действительное, допускает фальсификацию истории, чтобы стало возможным привести границы бывшей Албании в соответствие с границами Азербайджанской ССР, а албанцев провозгласить предками современного азербайджанского народа. Но это откровенная экспансия. Страна Албания имела такие исторически возникшие географические и политические границы, вне которых находились входящие ныне в состав Азербайджанской ССР районы к югу от Куры, а жители, албанцы—как некое этническое целое уже давно исчезли. Даже во второй половине XI в., когда ее бывшую территорию завоевали турки-сельджуки, они ассимилировали в себе не «албанцев», а отдельные мусульманские племена, завершив тем самым начатые в регионе с VII—VIII вв. языковые и этнические изменения. Таким образом, впоследствии в процессе формирования азербайджанского народа участвовали племена, происходившие от скрещивания последних и сельджуков—одного из

⁶ Подробно см.: Г. С. Связян. Агванк и род Михранидов.—Вестник общественных наук, 1980, № 9, с. 91—101 (на арм. яз.).

племен племенного союза огузов, и нет никаких оснований для представления албанцев в качестве предков азербайджанского народа⁷

Особое место в системе фальсификаций Ф. Мамедовой занимает раздел, относящийся к албанской письменности и литературе. Ей не нравится признавать создателем албанского алфавита Месропа Маштоца. Она желает иметь албанский алфавит еще до Месропа Маштоца и поэтому отводит последнему лишь роль реставратора и реформатора имевшегося алфавита (с. 6—7). Между тем, общеизвестны сообщения Корюна и Хоренаци, согласно которым Месроп для албанов «изобрел буквы» (Корюн, XVI) или «создал буквы» (Хоренаци, III, гл. 54). Палеографическое изучение этого алфавита также показывает, что «албанские буквы созданы главным образом на основе однозначных знаков родственного им армянского и грузинского алфавитов» и что «все это действительно создано автором армянского алфавита гениальным ученым Месропом Маштоцем»⁸. Именно создано, а не реставрировано, как это пытается представить Ф. Мамедова, умаляя величие дела армянского ученого в угоду своему «патриотическому» чванству. «Патриотические» чувства Ф. Мамедовой становятся еще более острыми, когда речь заходит об албанской литературе. Она считает своим долгом разыскать литературу для албанского «народа» и от того, что такая я не дошла до нас, попросту присваивает образцы из рукописного наследия армянского народа и хладнокровно объявляет их албанскими, а их авторов—албанскими летописцами. Жертвами подобной тенденции стали армянские историки, представители армянской культуры, общественно-политические деятели, которые перечислены нами выше. Для того, чтобы отнести их к албанской литературе и культуре, Ф. Мамедовой представляется достаточным, что они родились и вели свою общественно-политическую деятельность в таких географических местностях, которые сегодня находятся в составе Азербайджанской ССР. Ее не смущает, что эти сочинения написаны на древнеармянском языке и по канонам, принятым в армянской историографии и художественной литературе. Она преподносит читателю готовое и совершенно нелепое объяснение: «в силу особенностей исторических судеб письменные памятники Албании местного происхождения представлены на древнеармянском языке» (с. 5). Подобным образом присвоены также каноны Агвенского и Партавского церковных соборов, которые выдаются за плод общественно-политической мысли Албании.

В книге объявляются албанскими не только армянские историки, но—что является логическим развитием политики присвоения—содержание их сочинений приспособляется к тенденции автора. Так, труд М. Каланкатваца «История страны албан» преподносится как история возникновения и развития Албанского царства, этнического происхождения албанцев и их социально-экономической, политической и духовной жизни. Между тем давно известно, что этот труд—история армянских областей Утик и Арцах в рамках марзпанства Албания, и только благодаря этому он содержит сведения об истории собственно Албании⁹.

Обратившись к Мхитару Гошу и объявив его известным деятелем албанской культуры, Ф. Мамедова считает, что его «Судебник» написан в период роста самосознания албанцев, когда в новых условиях «появилась необходимость создания для албан-христиан своего юридического документа» (с. 23). По ее мнению, «Судебник» написан «только для албан», потому что армяне имели свой правовой памятник—«Каноагирк», созданный в VIII в. Оздзени (с. 24). В своих суждениях Ф. Мамедова непоследовательна, а в разъяснениях—примитивна. Утверждая, что албанцы после ликвидации своей государственности в указанном ею же VIII в. ассимилиро-

⁷ Ср.: А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 56—58.

⁸ А. Г. Абрамян. Дешифровка надписей Кавказских агван. Ереван, 1964, 80—81.

⁹ Г. С. Свазян. Понятие «Страна Агванк» в сочинении Мовсеса Каланкатваца.—Вестник архивов Армении, 1973, № 1, с. 225—234 (на арм. яз.); Б. Улубабян. Очерк истории восточного края Армении, Ереван, 1981, с. 11—27 (на арм. яз.); Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984; Г. С. Свазян. Рецензия на книгу «Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк.—Вестник общественных наук, 1986, № 1, с. 84—88.

вались, с одной стороны, с мусульманами, а с другой—с армянами и грузинами, т. е. деэтнизировались (с. 245—246), Ф. Мамедова, в пылу своих намерений, период наступивший спустя 4—5 столетий после этой деэтнизации, считает периодом роста самосознания албанцев, Мхитара Гоша—албанцем, его труд—юридическим документом исчезнувшего народа. Вопиющее противоречие, которое не единично в ее попытках превратить армянских историков в албанских.

Киракос Гандзакец с его «Историей» признается албанским историком также потому, что 18 из 66 глав его «Истории» якобы относятся к Албании (с. 31). И хотя для подобного серьезного вывода такое разъяснение явно недостаточно, отметим, тем не менее, что первая цифра получена лишь в результате того, что Ф. Мамедова представляет в качестве Албании описанное в этих главах феодальное княжество Хачен. А насколько логично считать после этнического исчезновения албанцев Хаченское княжество албанским, его армянского князя Асан Джалала и армянского историка XIII в.—албанцами,—это не волнует Ф. Мамедову, как не волнует ее и то обстоятельство, что исторической науке Хаченское княжество со времени его образования известно именно как армянское феодальное княжество. Этот факт констатировал еще в X в. византийский император Константин Багрянородный, который адресовывал письма, направляемые в Хачен, следующим образом: «В Армению—князю Хачена» (Константин Багрянородный. Ереван, 1970, с. 151, перевод с армянского)¹⁰. Следуя своей логике, Ф. Мамедова, не моргнув глазом, пишет, что в условиях роста албанского самосознания—в XII—XIII вв., албанская литература создавалась на армянском языке, и в пример тому упоминает надписи Гандзасарского собора (который, конечно, предварительно объявлен одним из шедевров албанской архитектуры), одна из которых, якобы, сообщает, что «храм построен албанским царем Асан Джалалом по приказу албанского католикоса» (с. 245). Эти откровенно надуманные суждения побудили автора прибегнуть к фальсификации надписей и рукописей, так как в упомянутой надписи Асан Джалал титулован «самодержцем» «великой и высокой страны Арцах, ...Ханберда и многогранных областей» и храм построил во исполнение завещания своего отца¹¹. Ее нелепые «открытия» относительно языка надписей и вообще о создании в тот период албанской литературы на армянском языке тоже обречены на провал. Если даже на миг предположить, что этот исчезнувший народ по маговению волшебной палочки Ф. Мамедовой воскрес и достиг в XIII в. такого уровня развития, то возникает вопрос, почему он создавал свои литературно-художественные и другие исторические памятники или составлял надписи на чужом языке? Что же касается Гандзасарского храма, то А. Л. Якобсон подверг суровой критике легкомысленные и безрассудные упражнения с целью отторгнуть этот храм от армянской культуры¹².

Очевидно, ни один из упоминаемых Ф. Мамедовой литературных памятников не является албанским и не может стать таковым лишь по ее желанию. Не выдерживает критики также ее заявление относительно языка этой неизвестной литературы, когда Ф. Мамедова пишет, что «албанская литература в V—X вв. создавалась на албанском языке» (с. 38). Просто диву даешься тому, что эти явно антинаучные и антиисторические концепции вновь выдвигаются Ф. Мамедовой, тогда как они уже давно отвергнуты историографией¹³.

¹⁰ Об армянском княжестве Хачен подробно см.: Б. Улубаян. Княжество Хачена в X—XVI вв., Ереван, 1976 (на арм. яз.).

¹¹ Корпус армянской эпиграфики. Вып. 5. Ереван, 1982 (на арм. яз.), с. 38—40.

¹² А. Л. Якобсон. Из истории армянского средневекового зодчества (Гандзасарский монастырь XIII в.)—«Исследования по истории культуры народов Востока». Сб. в честь И. А. Орбели, М.-Л., 1960, с. 144—158; его же. Гандзасарский монастырь и хачкары: факты и вымыслы—ИФЖ, № 2, с. 140—152.

¹³ Ас. Минацаканян. К вопросу о литературе страны Агванк. Ереван, 1969; Его же, Паруйр Севак. По поводу книги З. Бунятова «Азербайджан в VII—IX вв.»—ИФЖ, 1967, № 1; К. А. Мелик-Оганджян. Историко-литературная концепция З. Бунятова—Вестник архивов Армении, 1968, № 2; его же. Еще раз о национальной принадлежности Мхитара Гоша, автора «Судебника».—Вестник архивов Армении, 1969, № 1; Г. С. Свзян. Источники «Истории страны Албанской» Мовсеса Калакатваца.—ИФЖ, 1972, № 3.

Через книгу красной нитью проходит тенденция уничтожения армянской государственности, статуса царства Великой Армении—тенденция, которая до настоящего времени не замечена в трудах ни одного отечественного историка и фигурировала лишь в вымыслах турецких фальсификаторов истории. В качестве предпосылки Ф. Мамедова совершенно спокойно, не учитывая сообщений источников, считает название «Великая Армения» географическим понятием, которое употреблялось в истории с 220 г. до н. э., а политическим понятием стало с II—I вв. до н. э., со времен Арташеса I и Тиграна Великого (с. 55—56). Но уже более двух столетий до 220 г.—до завоеваний Антоха III Селевкида,—который избран Ф. Мамедовой исходным рубежом, в историографии использовались понятия Великая Армения и Малая Армения в качестве названий существовавших в Передней Азии государственно-политических образований. Первым автором, который использовал указанные названия в этом значении, был Курций Руф (I в. п. э.), повествовавший о событиях истории IV в. до н. э. По свидетельству этого автора, в сражении при Гавгамелах против македонцев на левом фланге сражались армии Малой Армении, на правом—Великой Армении (Квинт Курций Руф. История Александра Македонского IV, XII, 10, 12), которыми командовали Оронт и Митрауст (Арриан. Поход Александра, III, 85). Это—объективные факты, игнорирование которых Ф. Мамедовой свидетельствует о ее предвзятом отношении к истории Армении.

Ф. Мамедова считает державу Тиграна Великого государством, созданным случайными завоеваниями, лишенным внутреннего органического единства, с разнородным населением (с. 56—57). После смерти своего основателя это государство, считает Ф. Мамедова, фактически перестало существовать, а в 428 г. этот факт был юридически зафиксирован (с. 39). Но это утверждение прямо противоположно действительному положению, вытекающему из сведений источников. Из сообщений античных авторов о государстве Тиграна Великого перед нами предстает Армения того времени как передовое, централизованное, однородное, ставшее еще при Арташесе (189—160 гг.) одноязычным государством. Однако для Ф. Мамедовой это несущественно, и она, продолжая дискредитацию по адресу исторической Армении, заявляет, что после смерти Тиграна Великого «Великая Армения как политическое понятие изжило себя» и сохранилось в качестве географического понятия (с. 56). Позабыв о том, что до этого она писала: «политическое понятие «Великая Армения» характерно для II—I вв. до н. э., для периода царствования Арташеса и Тиграна II», Ф. Мамедова внезапно заявляет: «в течение шести столетий (II в. до н. э.—IV в. н. э.) не было централизованного единого государства «Великой Армении» (с. 56). Противопоставляя Армении Албанию, которая якобы все более усиливалась на протяжении этого периода, а Армения, находившаяся под владичеством Рима, превратилась в провинцию (с. 59, 146 и др.), Ф. Мамедова прибегает к откровенной фальсификации. Великая Армения, подвергавшаяся нападениям со стороны Рима, признавала его политическое господство время от времени, но не теряла своей государственности, не переставала оставаться одним из мощных государств не только Закавказья, но и Передней Азии. После смерти Тиграна Армения не превратилась в римскую провинцию, как это утверждает Ф. Мамедова, в ней продолжали царствовать потомки Тиграна, сохранив право носить титул «Царя царей». После Помпея для воевавших на Востоке полководцев было делом чести и воинской доблести сражаться и побеждать в Армении. Одержанные над Арменией победы отмечались пышными парадами, римские императоры чеканили монеты с хвастливыми надписями «Армения завоеванная», «Армения побежденная» или «Армения вновь завоеванная». Именно мощь Армении была причиной того, что за привлечение ее на свою сторону развернулось непримиримое соперничество между Римской империей и Парфянским царством, Римской империей и Сасанидским Ираном, Византией и Ираном. Будь Армения такой, какой стремится ее представить Ф. Мамедова, едва ли эти державы скрестили бы копья за привлечение Армении на свою сторону и достижение тем самым превосходства друг над другом в Передней Азии. И, наконец, именно мощь Армении была «виновна» в том, что завоеватели стремились разделить и тем самым ослабить ее. Но даже эти разделы, вопреки мнению Ф. Мамедовой, не могли лишить Армению ее могущества и ведущего положения среди стран Закавказья. Известны сообщения Л. Парбечи о том, какое значение придавалось Армении персидским двором для завоевания Закавказья. «А когда Армения будет прочно нашей, Иверия и Агван будут непременно»,—говорил хазарапет Маршнерсеи Иездигерду Н. (Парбечи, гл. 21), что и

повторил Иездигерд в своем письме армянам: «И когда вы, подобно нам, примите нашу праведную веру, Иверия и Агванк не осмелятся преступить нашу и вашу волю» (Парбеци, II, гл. 22, на арм. яз.). Оспоримо ли после всего этого мнение исследователей о том, что «пока существовала поддерживаемая Римом буферная Великая Армения, Сасанидский Иран не мог утвердиться в Закавказье»¹⁴, которому возражает Ф. Мамедова, считая его необоснованным (с. 58).

Таким образом, желательно это для Ф. Мамедовой или нет, но греко-римские и армянские источники представляют Великую Армению как централизованное, единое органически сильное своей этнической общностью и жизнестойкое государство, представлявшее собой значительную силу даже после утери государственности. Позднее, в период владычества в Закавказье арабов, ведущая роль Армении выражалась уже в создании в Закавказье отдельной административной единицы, которая по ее имени называлась «Арминия». Центром области «Арминия», охватывавшей помимо Армении также Грузию, Ширван и Дербенд, был один из городов Армении—Двин¹⁵.

Кстати, умаляя роль и значение Армении и противопоставляя ей Албанию, Ф. Мамедова фальсифицирует и историю Албании. По ее мнению, Албании почти не касались войны между Римом и Ираном (с. 57), она, в отличие от Армении, которая «стала фактически провинцией» (с. 59), сохранила свою самостоятельность и положение ее стало даже более привилегированным (с. 59). Она скрывает такие факты истории Албании, как постоянное присутствие оккупационных римских войск в Албании, доказательством чего является оставленная одним из римских легионов надпись у подножья горы Беюк-Даш, воцарение на царский престол Албании римских ставленников и т. д. Факты, которые указывают на римское господство в Албании, скомканы, потому что не соответствуют версии Ф. Мамедовой о том, что римляне, в отличие от Армении и Грузии, не завоевали Албанию (с. 122—123, 141, 147, 148), что якобы Албания «была без царской власти всего навсего с 463 по 487 г.» (с. 57). Она создает для Албании так называемую «чистую», без каких-либо взаимовоздействий историю, а потому заявляет: «Изучение албанских и армянских реалий убеждает в том, что «Великая Армения» как в политическом, так и в географическом понимании никоим образом не связана с судьбой Албании» (с. 56). Подходя подобным образом к Албании, она обвиняет К. В. Тревер в том, что та в своем, посвященном истории Албании труде, «неоправданно много внимания уделяет истории Армении» (с. 63).

В труде Мамедовой целая глава отведена истории албанской церкви. Здесь автор всячески пытается представить ее как апостольское, независимое от армянской церкви и предшествовавшее ей духовное учреждение. С этой целью Ф. Мамедова ссылается на сохранившееся у Каланкатвази религиозное предание, согласно которому один из первых на Востоке проповедников, ученик апостола Фаддея—Елисей, начал свою проповедническую деятельность в стране Чола и, прибыв в Гисе области Утик, построил там церковь—первую на Востоке (Каланкатвази, I, гл. 6). Ссылаясь на это предание, Ф. Мамедова считает, что в нем (и вообще) под выражениями «восток», «восточная страна» Каланкатвази (как якобы и несколько других армянских историков) имеет в виду Албанию—восточный предел христианского мира по отношению к Иерусалиму (с. 223—224). И поскольку Восток—это Албания, а первая церковь на Востоке сооружена в Гисе, следовательно, заключает она, албанская церковь—первая христианская церковь в Закавказье, апостольская и самостоятельная. Однако по меньшей мере наивно превращать сегодня религиозные предания в основу решения вопросов истории, когда на эти предания не опираются даже церковные деятели. Следует отметить одновременно, что новые толкования встречающихся у Каланкатвази терминов лишены основания. Как неоднократно отмечалось в историографии¹⁶, упомянутые выражения Каланкатвази относятся к восточному краю Ар-

¹⁴ С. Т. Еремян. Политическая история Албании III—IV вв. в кн.: Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958, с. 312.

¹⁵ А. Н. Тер-Гевондян. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977, с. 155—160.

¹⁶ А. Ш. Мнацаканян. О литературе Кавказской Албании; Б. А. Улубабян. Очерки истории восточного края Армении; Г. Свазян. Понятие «страна Агванк» согласно М. Каланкатвази; его же. Рецензия на книгу «История страны Алуацк»

мении. И несмотря на бурные возражения Ф. Мамедовой против этого мнения, нет сомнений в том, что церковь в Гисе считалась первой среди церквей восточного края Армении.

Не соответствует исторической действительности и тезис Ф. Мамедовой, что католикосы Албании, начиная с конца IV в. рукополагались собственным духовным сословием (с. 232). Выступая с подобным заявлением, Ф. Мамедова допускает двойную ошибку. Главы албанской церкви в указанный период являлись лишь епископами. Титул «католикос» они стали носить много позднее—с 551 г., когда первым католикосом Агванка стал Абас. Но и епископы, и католикосы рукополагались армянскими католикосами. Этот порядок был установлен еще первыми насадителями христианства в Албании. Так, М. Каланкатвази пишет: «Урнаир просил у святого Григора, чтобы [впредь] его святым рукоположением был назначен епископ над его страной. И по сей день, следуя установившемуся порядку, они, Армения и Алуанк, пребывают в единомыслном братстве и нерушимом союзе» (Каланкатвази, I, IX).

Правда, этот порядок был нарушен при католикосе Нерсесе Бакуре (689—706 гг.), когда в стране широкое распространение получил халкедонизм, однако вскоре был восстановлен апологетами монофизитства албанской церковной епархии на состоявшемся в 704 г. в Партаве церковном соборе. «Относительно рукоположения католикосов Алуанка,—подчеркивают собравшиеся в своем официальном документе,—мы также приняли следующий канон: так как с недавнего времени наши католикосы в сан свой возводились [рукополагались] нашими епископами и, поскольку ныне они проявили неопытность и неблагоразумие, вследствие чего наша страна впала в ересь, то по причине этой мы [ныне] обязуемся перед Богом, перед тобой, хайрапетом (католикосом Арменни—Г. С.), что рукоположение в католикосы Алуанка должно совершаться через престол святого Григора, с нашего согласия, как оно и было со времен святого Григора, ибо, оттуда мы получили просвещение свое». Они одновременно предостерегали, что если кто-то поступит иначе, то «будет это недействительным и тщетным, а рукоположение—непримлемым» (Каланкатвази, III, VIII).

Такова действительность, которая искажается с легкой руки Ф. Мамедовой с целью создать основания для последующих искажений.

К книге приложены карты, на которых, как и следовало ожидать, Албания представлена на громадной, искусственно расширенной территории, почти включающей на юго-западе все озеро Севан. Более того, на картах показаны даже сферы влияния, которыми якобы обладала Албания на севере в III—I вв. до н. э. (карты № 1, 2) и на юге в I—II вв. н. э. (карта № 3). При этом на картах многие географические местности представлены не под соответствующими эпохе историческими, армяно-историческими наименованиями, а под тюркскими наименованиями, которые употреблялись несравненно позднее, зачастую на протяжении короткого исторического периода. Так, озеро Севан, которое в древности называлось Гегамским или Гехаркуниским, обозначено на картах как озеро Гекча, река Лопнас—Актафачай, река Тус—Тоузчай, река Гетару—Агрнчай, река Себоч—Карасу, река Воротан—Баргюшад и т. д.

Ф. Мамедова объявляет себя автором этимологии таких социальных терминов, как «хостак», «аваг», «кртсер», «спарапет», «рамик», «шнякан», «агахин» и т. д., между тем как они получили свои обстоятельные толкования такими маститыми учеными, как А. Манандян, Н. Адоиц, С. Еремян, С. Акопян, Т. Авдалбекян и другие исследователи¹⁷. Приписывая себе роль первооткрывателя этимологии этих терминов

¹⁷ А. Манандян. Феодализм в древней Армении; его же. Заметки о положении шняканов древней Армении в период марзпанства.—Сочинения, т. 4, Ереван, 1981; Т. Авдалбекян. Хас, сак, баж.—Арменоведческие исследования. Ереван, 1969; С. Акопян. История армянского крестьянства. Т. I. Ереван, 1957; т. 2. Ереван, 1969; его же. Слуги-агахин-рабы и их социальное положение в средневековой Армении.—ИФЖ. 1962. № 1; (все—на арм. яз.); Н. Адоиц. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971; С. Т. Еремян. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху.—Известия АН Арм. ССР. 1943. № 11; его же. О рабстве и рабовладении в древней Армении.—ВДИ. 1950; № 1; его же. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма.—ВИ. 1951, № 7; его же. Экономика и социальный строй Албании III—VII вв.—в кн. Очерки истории СССР III—IX вв., М. 1958.

и фактически грабя упомянутых исследователей, она так увлекается этой выдуманной ролью, что даже позволяет себе обвинять других исследователей в мнимом заимствовании у нее.

Труд изобилует многими другими антиисторическими и антинаучными положениями, в частности о существовании в I в. н. э. в Албании династии Аршакидов, о признании Нахичевана и вообще Сюника албанскими областями и одним из главных мест поселения албанских племен—с лишением их армянского населения, о причислении утийцев, гардманцев, савдейцев к албанским племенам, о мнимом существовании отдельных сюникского и арцахского языков и т. д. Подобных казусов очень много, рассмотрение их потребует солидного тома, что не входит в нашу задачу. Мы ограничились в основном наиболее важными вопросами, являющимися основой почти всех подтасовок. А первую фразу заключения книги «Настоящая монография является попыткой всестороннего исследования вопросов по истории Албании...» (с. 240) можно спокойно скорректировать «попыткой всестороннего искажения вопросов по истории Албании», что действительно соответствует содержанию и целям монографии. По сути дела, в книге в сгушенных красках представлены выдвинутые еще до Ф. Мамедовой некоторыми исследователями положения, преследующие определенные далеко не научные цели—посредством исторической науки оправдать, создать правовую основу фактического административного нахождения ныне в составе Азербайджанской ССР бывших армянских областей Арцах, Утик и Нахичеван.

По поводу издания книги в газетах и журналах Азербайджанской ССР опубликованы положительные рецензии¹⁸, появление которых свидетельствует о нездоровых настроениях, царящих в некоторых кругах азербайджанской интеллигенции. Апогеем выражения этих настроений является рецензия-панегирик члена-корреспондента АН Аз. ССР И. Алиева¹⁹, в которой он, с нескрываемым удовлетворением подчеркивая недружелюбную атмосферу, созданную Ф. Мамедовой вокруг армянских историков, и в свою очередь объявляя их—начиная с Хоренаци и Бузанда и кончая современными историками (С. Еремян, Ас. Мнацаканян, Б. Улубабян, Г. Свазян)—«фальсификаторами истории», с восторгом отмечает, что «все они получили от Ф. Мамедовой по заслугам» и что она якобы «не оставила камня на камне от гигантской лжеконцепции», созданной армянскими историками²⁰. И. Алиев выражает свою солидарность с автором книги, становясь тем самым соавтором этого измышления, являющегося редкостным выражением национального эгоцентризма и чванства.

Рецензируемый труд Ф. Мамедовой по поставленным перед ним задачам и по существу является антинаучным и антиармянским, несовместимым с методологией изучения истории братских народов СССР; он целиком пронизан тенденцией возбуждения вражды между армянским и азербайджанским народами, служит враждебным намерениям группы лже-интеллигентов, расшатывает основы интернационального воспитания молодежи и во имя чистоты исторической науки не должен найти места в научном мире.

2. Ս. ՍՎԱԶՅԱՆ—Պատմական գիտությունը էֆսպանելի նպատակների ծառայեցնելու մի արտառայց օրինակ.—1986 թ. Ադրբեջանական ԽՍՀ ԳԱ «էլմ» հրատարակչությունը լույս է բնծայել «Աղվանքի բաղաբական պատմությունն ու պատմական աշխարհագրությունը (մ. թ. ա. 3-րդ — մ. թ. 3-րդ դդ.)» մեկագրությունը, որտեղ պատմական կոպիտ սխալներով են ներկայացվել Աղվանքի և Հայաստանի պատմության շատ հարցեր:

Հանուն անաղարտ գիտության, պատմական աղբյուրների անաչառ բնութայնք ու վերլուծությունը հողվածում ցույց է տրվում հեղինակի կանխակալությունն ու միտումնադրությունը, հակապատմական կոնցեպցիան, ի ցույց դրվում պատմական փաստերին նրա մտանցման արատավոր մեթոդը, ինքնահնար մտայնությունն ու գրքի վնասակարությունը ժողովուրդների ինտերնացիոնալ դաստիարակության գործում:

¹⁸ «Вышка» (орган ЦК КП Азербайджана), 13 мая 1986; «Баку» (орган ЦК КП Азербайджана и Бакинського горсовета), 15 июля 1986; «Молодежь Азербайджана» (орган ЦК ЛКСМ Азербайджана), 20 сентября 1986; «Азербайджан музллымы», 6 августа 1986; «Литературный Азербайджан», 1986, № 10.

¹⁹ И. Алиев. Серьезный вклад в албанистику.— Известия АН Аз. ССР (серия истории, философии и права), 1986, № 4, с. 111—114.

²⁰ Там же, с. 113.